

МАГИЧЕСКАЯ КНИГА: К ИСТОРИИ ЖАНРА

В статье освещается история изучения магической книги и определяется значимость для науки XXI века проблем, поставленных в XIX–XX веках. Автор с современных методологических позиций по-новому решает вопрос истоков магической книги; доказывает её включённость в книжную и фольклорную традиции; раскрывает её жанровую природу и выявляет такие жанровые признаки, как синкретизм, вариативность, ритуальное начало, бытовая направленность, коммуникативная функция, единство эстетических и внеэстетических компонентов. Также автор ставит проблему развития магической книги и прослеживает, как она, став частью массовой литературы в XX–XXI веках, постепенно утрачивает основные жанровые черты.

Ключевые слова: магическая книга, жанр, система жанров, книжная и фольклорная традиции, ритуальная доминанта, синкретизм, коммуникативная функция.

Магическая книга как объект исследования до сих пор не имеет точного определения. В современном сознании магическая книга объединяет целый ряд изданий по магии, гаданиям, мифологии, эзотерике, целительству, религии. Например, на сайте магазина «Магическая книга»¹ находится следующий перечень изданий: «Книги по шаманизму, книги по черной магии (Некромантия, наведение Порчи), книги по каббале, сборники заговоров, книги по любовной магии (привороты и отвороты), учебники и самоучители по магии, книги по колдовству. Эзотерическая литература. Книги по Таро и карты Таро. Руны. Сборники приворотов, заговоров и заклинаний, а также книги по целительству, астрологии, народной медицине, йоге, рейки, цигун, аюрведа, учебники и самоучители гипноза».

Цель настоящей статьи – установить границы понятия ‘магическая книга’ и проследить её историческое развитие.

Первой публикацией по русскому черно-книжию можно считать книгу И. П. Сахарова «Сказания русского народа», которая увидела свет в 1841 году. К наследию Сахарова многие фольклористы относятся скептически, но его разыскания в области палеографии получили должную оценку². Так, он собрал из памятников древнерусской письменности большое количество сведений о знахарстве, волховании, колдовстве. На их основе поставлен вопрос о происхождении русских суеверий и магических практик: «...неужели это есть порождение дум русского народа? неужели всё это создавалось в русской земле?»³. На данные вопросы Сахаров ответил отрицательно. Источником же «тайных сказаний» он назвал «всеобщее

мировое чернокнижие», создателями которого, по его мнению, были астрологи, авгуры, прогностики, мистагоги, сортилеги, гаруспеки, пифониссы³. Происхождение магических книг Сахаров пытался отыскать на Востоке и считал, что чернокнижие «принадлежит первым векам мироздания, людям древней жизни»³. «Чернокнижия древнего мира, – по его словам, – сохранялись в письменных памятниках <...> Таковы были: чёрная магия, Сивилины книги, книги Орфея и Музея, кабаластика»⁴. В описаниях этих «памятников» Сахаров создаёт образ книги, опираясь на широко бытующие представления о магии. Так, книга чёрной магии «истреблена небесным огнём», «писана непонятными письменами», «закладена в Сухареву башню»; книгу Сивилл Сахаров характеризовал перечислением прорицательниц, их атрибутики и специализации, кабаластику – описанием видов гаданий. Лишь о книгах Орфея и Музея писал, что они содержали заговоры и гимны. Но как бы ни упрекали специалисты И. П. Сахарова в ненаучности его выводов, он сумел уловить особенности народного восприятия магической книги: и как письменного источника магических текстов, и как собственно магического средства, нередко освещённого авторитетом какого-либо мифологического персонажа.

Так называемое «отреченное чтение» в 1860-х годах вошло в сферу научных интересов А. Н. Афанасьева. В его труде «Поэтические воззрения славян на природу» в главе «Процессы о колдунах и ведьмах» раскрывается отношение церкви и государства к магической книге, и речь идёт о её появлении на Руси: «С особенною ревностью были преследуемы

так называемые “отреченные” или “отметные” книги, принесённые к нам вместе с грамотностью из Византии и отчасти с запада; к ним причислялись и те листы и тетрадки, в которых записывались народные заговоры, приметы и суеверные наставления»⁵. Среди таких запретных книг Афанасьев называл: а) Остролог, б) Рафли, в) Аристотелевы врата, г) Громовник, д) Молник, е) Коледник, ж) Мысленник, з) Волховник, и) Сносудец (Сонник), к) Путник, л) Зелейник, м) Чаровник, н) Метание, о) Альманахи. Описывая каждую из этих книг, Афанасьев сообщал о её содержании, давал сведения о происхождении и истории. В книгах в основном были предсказания, гадания, толкования примет, обереги, способы преодоления несчастий, знахарские рецепты и т. п.

Несмотря на разногласия, связанные с источником происхождения магических книг, и И. П. Сахаров, и А. Н. Афанасьев рассматривали их как продукт архаической эпохи. Кроме того, оба описывали эти книги в контексте традиционных магических представлений. Следовательно, такой подход к рассмотрению магической книги в аспекте взаимодействия двух традиций – устной и письменной – следует признать вполне соответствующим методологии современной науки.

В исследованиях XX века находим факты, доказывающие, что формирование жанра магической книги началось в архаичных литературах: санскритской, шумеро-вавилонской, египетской, древнееврейской, восточных. Шарль Фоссе, изучая ассирийскую магию, главным источником называл сборники глиняных табличек с заклинаниями: «Каждый из этих сборников получал название либо от одной из важнейших церемоний, сопровождавших чтение текста, либо от изгоняемого демона или болезни, которая должна была быть излечена»⁶. Как отметил учёный, некоторые тексты давались с описанием необходимых при их чтении ритуалов.

На магический характер санскритских памятников письменности указал В. Н. Топоров в статье «О древнеиндийской заговорной традиции»⁷. Магическое начало, по его мнению, заключено в двух основных устных жанрах – заговорах и гаданиях. Топоров также писал, что о влиянии заговорно-заклинательной традиции на книжные жанры можно говорить лишь в отдельных случаях. Скорее всего, жанры имели общую предысторию и принадлежали «к единой “протожанровой” конструкции, неотделимой от ритуала и от мифа, но имеющей

институализированную словесно-текстовую форму, которая выводится из ситуации самого ритуала»⁸. Анализируя «Ригведу», учёный определил, что сделало этот памятник цельным, несмотря на непервичность входящих в него текстов, – их магический характер «как в общей атмосфере соответствующих гимнов, так и в специальных частных приёмах»⁹.

В противовес древнеиндийским или ассирийским книгам, где доминирует заговорно-заклинательное начало, в дальневосточных традициях, как отметил В. Н. Топоров, наблюдалось сильное развитие мантического комплекса, что соответствовало гностицизирующему характеру, например, китайской ментальности. Но и те, и другие магические книги имели ритуальное происхождение и применение, что определило важнейшую черту магической книги как атрибута ритуала.

Оформление жанра магической книги на Руси связано, как известно, с эпохой Средневековья. А. Н. Веселовский видел в нём «вторую пору великого мифического творчества», когда человек «мог создать ряд христианских мифов, в которых, вследствие единства психического процесса, могли самостоятельно воспроизвестись образы и приёмы языческого суеверия»¹⁰. Магическая книга стала частью такого мифотворчества. Большую роль в этом сыграло особое почитание письменного слова.

Причины такого отношения к книге в целом Л. С. Соболева видит, во-первых, в длительности хранения (устное слово существует в момент произнесения, письменное – зримо, оно было, есть и будет); во-вторых, в значении процесса чтения (христианская литература имела нравственное значение), а также в особой роли человека читающего; в-третьих, книга – это носитель духовного начала, материальное воплощение духа¹¹.

Магическая книга по всем признакам вписывается в средневековую жанровую систему. Д. С. Лихачёв одним из таких признаков назвал иерархию жанров, в которой выделил объединяющие «жанры-созерены» и подчинённые «жанры-вассалы». «Состав их [жанров-созеренов. – В. М.] может быть весьма различен, но тип сохраняется неизменным»¹². Объединяющие жанры, к каковым и относится, на наш взгляд, магическая книга, различаются по типам и подтипам.

В соответствии с этим магическая книга – это особый тип, включающий в себя первичные жанры магической направленности. В зависи-

мости от состава выделяются подтипы магических книг, названные, например, А. Н. Афанасьевым (см. выше). Входящие в такие книги тексты были различной жанровой природы. Причём эти первичные жанры также определяются на основе, характерной для древнерусской литературы: не по литературным особенностям изложения, а по самому предмету, теме, которым посвящено произведение, и «по тому, для чего [разрядка Д. С. Лихачёва. – В. М.] они предназначены»¹³. Сходным образом, как известно, определяются жанры и в фольклоре, где внеэстетические и невербальные компоненты играют порой доминирующую роль. Поэтому при рассмотрении жанра магической книги следует, на мой взгляд, учитывать названные В. Я. Проппом критерии: поэтику, бытовое применение, форму исполнения, отношение к музыке¹⁴.

Следует признать важной особенностью магической книги синкретизм. При доминировании утилитарной функции в этих книгах силён эстетический компонент (например, предсказания метафоричны, сюжетны, могут включать художественные образы и т. д.). Так, в книге гаданий «Рафли» находим предсказания, сформулированные на основе сказочной сюжетики: «331-я. Ходила коза около огороде и выколола себе глаза. О! горе мне бедной козе, до сыта я не наелась, а глаза себе выколола <...>»¹⁵. Здесь прослеживается связь с сюжетом 212=К 2015 *Коза луплена*¹⁶.

В популярной книжке «Знахарские рецепты» находим рассказ, подтверждающий эффективность одного из методов лечения: «Мать привела двух своих детей в возрасте двух и пяти лет, у которых была так называемая “крокодиловая кожа”. Бедная мать просила дать лекарство, которое могло бы излечить эту накожную болезнь. Я дал ей витамины, рекомендовал не кормить детей два дня и привести их через неделю. Женщина не поняла или ослышалась и через неделю пришла ко мне взволнованная и упрашивала, чтобы я разрешил бедным детям есть; они так изголодались за неделю, что начали собирать крошки хлеба на полу. Недоразумение выяснилось, но я посмотрел на детей и увидел чудо: их “крокодиловая кожа” исчезла без следа, щёчки были розовые и нежные, как кожа персика»¹⁷. Данный рассказ должен достичь своей цели – уверить читателя в пользе голодания – не только с помощью изложения фактов, но и через эмоциональное воздействие посредством эпитетов («бедные, взволнован-

ная»), глагола, выражающего крайнюю степень состояния («изголодались»), сравнения («как кожа персика»).

Следует отметить, что материал в таких книгах компоновался по принципам, отличающимся от современных научных. Заговоры, приметы, предсказания не дифференцировались по жанровым, функциональным и др. признакам, а стягивались вокруг ритуального центра. Например, лечение лихорадки могло включать в себя собственно главный заговор, а также вспомогательные тексты: молитвенное вступление, описание ритуальных действий, знахарский рецепт, текст от головной боли после заговаривания и т. п.

Структура магической книги открыта и предполагает вариативность. Новый хозяин или переписчик книги мог добавить текст или исправить уже существующий. Например, С. В. Бураева¹⁸, анализируя книги старообрядцев Забайкалья, отметила магический характер вкладных записей (заговорные тексты, приметы), найденных в них, что демонстрировало особое почитание этих книг, а подобные записи усиливали их сакральность. В современных популярных изданиях, как правило, в конце имеются чистые листы с пометой «для заметок». Их владельцы часто хранят рукописные листочки с молитвами, рецептами и т. п., тем самым пополняя опубликованный материал собственным.

Исходя из всего вышесказанного, думается, жанровую специфику магической книги следует искать не столько в самом теле книги, а скорее вне его: в отношении к книге её автора-составителя (как правило, анонимного), читателя или хозяина. Книгу не обязательно читать, иногда ею достаточно владеть. Уже само присутствие книги в ритуале – действительно. При этом ценность книги определяется её уникальностью, древностью, авторитетностью её составителя или бывшего хозяина и т. п.

Кстати, магический характер книги может быть определён только названными признаками. Так, если в содержании нет ничего магического, например, в Псалтыри или Молитвослове, то это не значит, что они не могут выполнять магические функции. В традиционной культуре эти книги широко известны как апо-тропеи.

Ещё одно качество, которое характеризует магическую книгу, – её коммуникативная функция. Составитель книги может обращаться к ведомому и неведомому читателю, поясняя

ритуал или непонятные места в тексте. Часто коммуникация возникает уже в самих названиях текстов: «*Аще хто в грамоте не умнетъ, оне бы носили сию молитву на собе, и он не боится лихие порчи и злаго человека*» или «*Молитва всякому храму от соблазнь, или в коем храме почиваеш, то и спать ложачися сию молитву глаголи, да не прикоснётся диавол*»¹⁹.

Также коммуникативное начало прослеживается и в мантической книге сибирских «Рафли»: «*655-я. Якоже живое железо варити и супротив воды плиты трудно есть, тако и ты человеку о чём думал и гадал на уме своем, аще о пути, – во оный в путь не ходи*»²⁰. Глагол в повелительном наклонении превращает предсказание в наставление читателю.

В советскую эпоху магическая книга ушла в подполье. Её возрождение произошло во второй половине XX века: начало положили популярные издания сонников, гороскопов, затем заговоров, знахарских рецептов, травников, мантических книг и т. п. Однако такая книга отличается от прежней – средневекового типа: во-первых, она утратила уникальность, труднодоступность, во-вторых, в ней ослаблено коммуникативное начало, в-третьих, компоновка материала претендует на научную классификацию, что ослабляет ритуальную доминанту. Всё это повлекло за собой изменение в восприятии магической книги. Став открытой, официально разрешённой, тиражируемой, она утратила сакральность статус.

Примечания

¹ <http://magic-kniga.ru/>

² См., например: Соболева, Л. С. Рукописная и старопечатная книга Древней Руси : учеб. пособие. Екатеринбург, 2007. С. 12–13.

³ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1990. С. 19.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. III. М., 1994. С. 605. (Репринт издания 1869 г.)

⁶ Фоссе, Ш. Ассирийская магия. Систематическое исследование магических текстов. СПб., 2001. С. 59–67.

⁷ Топоров, В. Н. О древнеиндийской заговорной традиции // Малые формы фольклора. М., 1990. С. 8–105.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Веселовский, А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Журн. М-ва нар. просвещения. 1868. Ч. СХL. С. 290.

¹¹ Соболева, Л. С. Указ. соч. С. 22–42.

¹² Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979. С. 59.

¹³ Там же. С. 58, 63.

¹⁴ Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 34.

¹⁵ Рафли. Памятники старинной русской письменности в Сибири. Томск, 1905. С. 11.

¹⁶ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг и др. Л., 1979. С. 86.

¹⁷ Знахарские рецепты. Лечебник доктора П. М. Куреннова. Омск, 1991. С. 18.

¹⁸ Бураева, С. В. Фольклор и старообрядческая книжность Забайкалья // Народная культура Сибири : материалы IX науч.-практ. семинара Сиб. регион. вуз. центра по фольклору. Омск, 2000. С. 165–168.

¹⁹ Отреченное чинение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М., 2002. С. 212, 215.

²⁰ Рафли... С. 5.